

ГОДЪ

КІЕВСКІЯ

XLI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію
4 руб. съ пересылкой.Выходить два раза въ
мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ

1902 года.

№ 8.

15 Апрѣля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Христосъ воскрес!

*„Христосъ новая пасха, жертва
„живая, агнецъ Божій вземлай грѣхи
„міра“.*

Каждый годъ мы совершаемъ праздникъ Пасхи Христовой и каждый годъ празднуемъ ее, какъ *пасху новую спасительную*. Поистинѣ Пасха Христова есть праздникъ *нашего обновленія и спасенія*.

Праздникъ Пасхи Христовой,—Воскресенія Христова есть праздникъ новый по самому своему существу, по самому источнику, который лежитъ въ основаніи его. Событіе Воскресенія Христова есть не только величайшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно новое въ исторіи человѣческаго рода чудо. Весь до-христіанскій міръ не представляетъ событія однороднаго Воскресенію Господа Іисуса Христа изъ мертвыхъ. Всему языческому міру была чужда самая идея воскресенія изъ мертвыхъ и ни въ одной изъ языческихъ религій, сохранившихъ въ иныхъ отношеніяхъ хотя слабыя ос-

Изъ духовныхъ журналовъ.

По поводу попытки умалить подвиги преподобныхъ основателей русскаго монашества — Критическій обзоръ свѣтской литературы, изображающей типы духовенства. — Одна изъ мѣръ къ освѣженію нашей духовной среды.

Однимъ изъ русскихъ ученыхъ — г. Милюковымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданы „Очерки по исторіи русской культуры“. 2-ая часть этихъ „Очерковъ“ посвящена авторомъ, между прочимъ, уясненію вопроса о вліяніи вѣры и Церкви православной на ходъ событій русской исторіи. Безпощадно, хотя и неосновательно, г. Милюковъ умалываетъ высоту подвиговъ и подлинность чудесъ кievскихъ святыхъ и ихъ вліяніе на современниковъ — мірянъ, якобы совершенныхъ язычниковъ. Тенденціозная подтасовка фактовъ, неосновательность и ненаучность сужденій г. Милюкова о подвигахъ преподобныхъ основателей русскаго монашества — вызвали справедливую критику въ статьѣ „Основные начала и развитіе русской культуры“ о. Тарасія, помѣщенную въ журн. „Вѣра и Церковь“ (кн. 2, 1902 г.). Вполнѣ правъ о. Тарасій, выражая ученое негодованіе (не говоримъ о негодованіи христіанина, оскорбленнаго въ самомъ святомъ чувствѣ) по поводу бездоказательныхъ ироническихъ замѣчаній автора „Очерковъ“, будто „дiавольскія искушенія“, которыя приходится преодолевать съ Божіей помощію подвижнику, „изобрѣтеніе невѣжественныхъ и суевѣрныхъ иноковъ печерскаго монастыря“, или, — будто „исторія преподобныхъ отцовъ печерскихъ“, записанная ихъ ближайшими свидѣтелями, современниками и очевидцами, — „легенда“. Не останавливаясь долго на оцѣнкѣ этихъ ненаучныхъ приѣмовъ, обычныхъ въ западной отрицательной критикѣ по вопросамъ и фактамъ вѣры и Церкви православной, о. Тарасій съ нѣкоторою подробностію опровергаетъ смѣло высказанную г. Милюковымъ отрицательную гипотезу о *духовномъ дѣланіи* подвижниковъ.

Г. Милюковъ такъ отрицаетъ существованіе *духовнаго дѣланія* среди русскихъ подвижниковъ. „Понятно, какъ много усилій нужно было, чтобы преодолѣть наважденія діавола и немощи плоти. На эту борьбу уходила вся энергія самыхъ горячихъ подвижниковъ... Лучшимъ изъ печерскихъ подвижниковъ не удавалось подняться надъ этой первой низшей ступеню духовнаго дѣланія, которая собственно въ ряду подвиговъ христіанскаго аскета имѣетъ лишь подготовительное значеніе. О высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества кіевскіе подвижники едва ли имѣли ясное представленіе. То, что должно быть только средствомъ—освобожденіе души отъ земныхъ страстей и помысловъ, для братіи печерскаго монастыря становилось единственною цѣлю: недисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ. Людямъ съ такой силой воли и съ такимъ практическимъ складомъ ума, какъ у печерскаго игумена, удавалось, правда, достигать прочнаго душевнаго равновѣсія, но въ установленіи этого равновѣсія слишкомъ большая роль (!) принадлежала внѣшней дисциплинѣ ума и воли. Съ такою дисциплиной наши подвижники скорѣе становились выдающимися администраторами, въ какихъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ великими свѣтилниками христіанскаго чувства и мысли“ (стр. 12). „Мы же думаемъ, пишетъ о. Тарасій, что кіевскіе подвижники, люди высочайшей святости и прославленные Богомъ, имѣли о высшихъ степеняхъ христіанскаго подвижничества вполне ясное понятіе, какъ не сомнѣваемся въ томъ, что г. Милюковъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія даже о началѣ его. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на борьбу со страстями уходила вся энергія печерскихъ подвижниковъ: „недисциплинированная натура“ тутъ ни при чемъ. Натура человѣческая вообще плохо дисциплинирована относительно страстей, а кіевскіе подвижники въ отношеніи дисциплины стояли куда

выше наших современниковъ. Продолжающаяся борьба со страстями отнюдь не свидѣтельствуетъ о пребываніи подвижника на низшихъ степеняхъ духовной жизни; потому что страсти, даже побораемыя, въ большинствѣ случаевъ, не прекращаютъ своего дѣйствія до самой смерти, а горячая ревность въ борьбѣ со страстями служить лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ внутренняго духовнаго дѣланія подвижника. Вообще же говоря, нѣтъ возможности указать точно и опредѣленно степень, на которой пребываетъ подвижникъ, потому что сокровенные благодатные дары никогда не бываютъ предметомъ легкомысленныхъ и бесполезныхъ обнаруженій, а часто даже тщательно скрываются.

Г. Милюковъ полагаетъ, что освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ только средство для достиженія какой-то цѣли. Откровенно признаемся, мы недоумѣваемъ, самъ ли г. Милюковъ придумалъ это, или заимствовалъ у какого нибудь столь же развязнаго толкователя монашества. Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ (V в.) смотритъ на внутреннее усовершенствованіе, какъ на цѣль монашества, средствомъ же къ достиженію цѣли признаетъ внѣшніе подвиги монашеской жизни.—Конечно, сторонники г. Милюкова могутъ сказать намъ, что это вопросъ слишкомъ спеціальный, что ученый изслѣдователь русской культуры могъ и не читать аскетическихъ твореній. Мы вполне согласны съ этимъ, но только зачѣмъ же разсуждать о тѣхъ явленіяхъ, пониманіе которыхъ такъ слабо и сбивчиво? Зачѣмъ же принимать авторитетный тонъ спеціалиста въ области совершенно невѣдомой? Если г. Милюковъ взялся разсуждать о философіи аскетизма, то долженъ прежде основательно изучить предметъ. Грубыя ошибки, допускаемыя имъ, производятъ непріятное впечатлѣніе. Зачѣмъ безъ нужды говорить на языкѣ, изъ котораго извѣстно только нѣсколько словъ, да и то плохо заученныхъ?

Г. Милюковъ говоритъ о какомъ-то „дѣятельномъ или созерцательномъ подвижничествѣ“. Дѣятельное подвижничество и созерцательное подвижничество не одно и то же и вмѣстѣ съ тѣмъ не различныя явленія, а подвижничество созерцательное представляетъ собой завершеніе и плодъ дѣятельнаго, такъ что сказать: „дѣятельнаго или созерцательнаго“ нѣтъ никакой логической возможности. Это все равно, что сказать: „первоначальный или высшій курсъ исторіи“. Г. Милюковъ умаляетъ вліяніе подвижниковъ на православныхъ мірянъ, которыхъ считаетъ совершенными язычниками. Конечно, это мнѣніе также нуждается въ доказательствахъ. Г. Милюковъ, самъ не изучавшій первоисточниковъ русской исторіи, въ этомъ случаѣ обезпечиваетъ содержаніе своей книжки отрицаніемъ уже принятаго имъ взгляда Хомякова на усвоеніе обряда и принятіемъ болѣе пикантнаго мнѣнія профессора Голубинскаго о томъ, что народная масса даннаго періода ничего еще не успѣла усвоить. Взглядъ весьма рѣшительный и какъ разъ на руку г. Милюкову. Вотъ что значить оставить традиціонныя рубрики и пользоваться готовыми трудами: чего хочешь, того и просишь; неудобно мнѣніе Хомякова, можно заимствовать у Голубинскаго! Только г. Милюковъ не сообразилъ, что на этотъ разъ г. Голубинскій проявилъ странную недогадливость. Если бы русскіе не усвоили даже обрядности, то развѣ были бы возможны споры о разрѣшеніи постныхъ дней? Кто могъ бы помѣшать имъ нарушать постные дни безъ всякихъ разрѣшеній? Вѣдь сами и Милюковъ и Голубинскій едва ли спорятъ о разрѣшеніи постныхъ дней; споры же объ этомъ въ древней Руси доказываютъ обратное тому, что нужно г. Милюкову, а именно быстрое и сознательное усвоеніе христіанства и ревностное искреннее отношеніе къ церковной дисциплинѣ.

Если поднялась рука, вооруженная перомъ, на святыхъ подвижниковъ, съ цѣлію умаленія ихъ заслугъ, удивительно

ли, когда наши писатели, особенно изъ свѣтскихъ, не стѣсняясь выставляютъ на посмѣшище духовенство, изображая отрицательные его типы. „Типы православнаго духовенства въ русской свѣтской литературѣ 1899—1901 г.г.“, съ такимъ заглавіемъ помѣщенъ очеркъ священника Н. Колосова въ „Душеполезномъ Чтеніи“ (январь, февраль и мартъ книжки т. г.). О. Колосовъ въ своемъ очеркѣ разсмотрѣлъ изъ произведеній свѣтской литературы 1899—1901 г.г. какъ тѣ, въ которыхъ встрѣчаются типы *положительные*, рисующіе достойныхъ священнослужителей, такъ и тѣ, въ которыхъ дано мѣсто *отрицательнымъ* типамъ духовенства. Съ произведеніями перваго рода мы уже имѣли случай познакомить, еще въ концѣ прошлаго года, читателей Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Приводимъ теперь нѣсколько замѣчаній о. Колосова относительно изображенія въ свѣтской литературѣ отрицательныхъ типовъ духовенства. Тутъ обращаетъ вниманіе прежде всего стремленіе многихъ писателей, — разъ они выводятъ духовное лицо, — заставлятъ его говорить словами: „понеже“, „убо“, „се“, „сей“ и т. п., чего въ дѣйствительности не бываетъ. Изъ этого уже можно судить, насколько правдивы типы, выведенные въ такихъ каррикатурныхъ разсказахъ. Талантливый (по крайней мѣрѣ по отзыву критики и публики) изъ современныхъ биллетристовъ г. Чеховъ, въ тѣхъ несчастныхъ случаяхъ, когда онъ, обыкновенно мимоходомъ, выводитъ какое нибудь духовное лицо, всегда и непремѣнно изображаетъ его въ каррикатурномъ видѣ. Въ одномъ изъ его мелкихъ юмористическихъ разказовъ старикъ-священникъ вмѣстѣ съ прочими гостями напивается потихоньку отъ хозяйки. Въ другомъ, — священникъ, зная, что его недругъ-помѣщикъ больше всего боится встрѣчи съ духовнымъ лицомъ, нарочно старается выѣхать ему навстрѣчу, когда тотъ ѣдетъ по неотложному дѣлу въ городъ, чтобы онъ, *„встрѣтивъ попа“*, вернулся назадъ и не попалъ въ городъ. Въ романѣ „Село Уютное“

мимоходомъ выведенъ діаконъ, который очень любитъ выпить и какъ самъ заявляетъ, пьетъ все, кромѣ керосина, а напившись начинаетъ буйнить. Не рѣдко достается въ подобныхъ разсказахъ и матушкамъ, преимущественно молодымъ. Выходитъ, что многіе молодые матушки не по лѣтамъ практичны, и что молодые священники вмѣсто нравственной поддержки находятъ въ нихъ лишь тормозъ своей пастырской дѣятельности,—грузъ, который тянетъ іерея въ сферу практицизма, гдѣ пастырство разсматривается лишь какъ средство къ собиранію доходовъ, съ гордостію, чванствомъ и отчужденіемъ отъ паствы.

Но слѣдуетъ ли духовенству смущаться всѣмъ этимъ? (спрашиваетъ о. Колосовъ и самъ же отвѣчаетъ). „По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ. Духовенству слѣдуетъ дѣлать свое дѣло, не смущаясь и ожидая награды отъ Отца небеснаго, видящаго тайное и явное и вѣдущаго истинныя причины дѣлъ и поступковъ человѣческихъ. Но изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что духовенству не нужно и интересоваться тѣмъ, что появляется о немъ въ печати дурного. Духовенству необходимо знать, какіе дѣйствительные недостатки или хоть смѣшныя стороны подмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ его представителяхъ устами литературы и печати общество, чтобы постараться избавиться отъ этихъ недостатковъ, дабы не послужить для кого либо предметомъ соблазна, не оттолкнуть кого либо отъ церкви (или даже хотъ не ввести его въ грѣхъ осужденія) и тѣмъ не воспрепятствовать его спасенію и не принять на главу свою страшную отвѣтственность за это предъ Богомъ“.

Это разсужденіе о. Колосова само по себѣ прекрасно, но все же благоповеденіе духовенства предметъ вѣдѣнія самихъ духовныхъ лицъ прежде всего, а не свѣтскихъ писателей, не рѣдко ренегатовъ, лицъ воспитанныхъ церковью и духовенствомъ и потомъ оказывающихся первыми врагами духовенства, беспощадными въ изображеніи темныхъ сторонъ

духовной среды, вѣроятно изъ ревности къ печальной извѣстности Хама, открывшаго наготу отца своего. Нѣкій „служитель Церкви“ на страницахъ новаго духовнаго журнала „Православно-русское слово“ (март. кн. 5) въ своей замѣткѣ— „нѣкоторыя изъ мѣръ къ освѣженію нашей духовной среды“ рекомендуетъ между прочимъ одну изъ особенно желательныхъ для указанной цѣли мѣръ, а именно *большее общеніе и единеніе между духовными лицами и особенно пастырями церкви*. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ силу сложившихся обстоятельствъ и условій, духовное сословіе въ Россіи—самое разобщенное сословіе. Духовенство православное по своимъ глухимъ захолустьямъ живетъ въ совершенно замкнутомъ, изолированномъ другъ отъ друга состояніи, нерѣдко забываая другъ друга... Есть положимъ, въ названіи у духовенства „благочинническія собранія“, „сѣзды духовенства“, но для святого дѣла благовѣстія это дѣйствительно одни лишь названія... Но пусть будутъ, напр., обязательно установлены очередныя собранія духовенства въ каждомъ благочиніи, хотя бы по примѣру и въ духѣ того собранія, о которомъ мы съ удовольствіемъ прочитали въ 3 № „Извѣстій по С.-Петербургской епархіи“. На немъ благочинный высказалъ намѣреніе ничего не скрывать отъ подвѣдомственныхъ ему причтовъ, дабы всѣмъ и каждому было извѣстно, что дѣлается въ его благочиніи, кто какого поведенія и кто какъ служитъ своему дѣлу“.

Эта мѣра *нашего* исправленія, кажется, будетъ лучше той, за какую взялись свѣтскіе писатели, непризнанные и безъ авторитета для насъ, наши руководители съ перомъ, омоченнымъ въ ядовитомъ чернилѣ.